

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра теоретической
и социальной философии

**Онтология сообщества в философской
теории постструктурализма**

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

магистранта 2 курса 212 группы
направления 47.04.01 Философия (профиль «Социальная философия»
философского факультета
Полякова Александра Валерьевича

Научный руководитель
кандидат философских наук, доцент

_____ М.А. Богатов

Заведующий кафедрой
доктор философских наук, профессор

_____ В.Б. Устьянцев

Саратов 2017

Введение

Тема исследования и ее актуальность. Первый вопрос, который ставят перед собой мыслители, причисляемые к традиции постструктурализма, это вопрос *формы*, или *письма*. Поставленный под вопрос ввязывается в борьбу с неполнотой собственного высказывания и обречен с неуверенной стыдливостью иметь дело со «всего лишь словами». Пишущий сталкивается с собственной конечностью, с вверенным ему возобновлением усилия в действительности, скрытой в слишком близких ему представлениях посредственности. Отсюда – различие в философии Мориса Бланшо между речью *повседневной* и речью *литературной*. Отсутствие субъекта, его бытийственная неразличимость находит свое воплощение в противоречивости литературного языка.

С другой стороны, Жорж Батай говорит о суверенном мгновении, в котором человек близок к смерти и в котором он обретает полноту существования. Именно воплощенность коллективных форм существования особого рода становится предметом размышления мыслителей. Часто разговор ведется о французской революции 1968 года, но особым способом – уже вне категорий потенции, возможности, которые воплощают собой лишь недостаточность описания. Бланшо и Батай в своих попытках в сложившемся контексте говорить о *целом* разрабатывают свои методы, используя которые они и говорят о современном человеке.

В основу данной работы заложено противоречие между понятиями «знание» и «незнание», неопределенность которых пытается преодолеть социальная эпистемология. Обращение к институциональной договоренности, равно как и к действиям, осуществляемым вне оглядки на имеющуюся совокупность знаний, вызывает недоверие. Отсюда вырастает проблема коммуникации в современном обществе. В качестве примера работ на данную тему мы можем указать книгу Юргена Хабермаса «Вовлечение другого. Очерки

политической теории»¹, а также произведение М.М. Бахтина «Проблема речевых жанров»².

Тем не менее, проблемой становится само отсутствия полноты высказывания, всегда ограниченного предметностью мышления человека. Именно постоянная соотнесенность в бытии с категориями знания и не-знания открывает простор для субъект-объектного мышления, выказывающего свою недостаточность при рассмотрении его из *целого*.

Обращаясь к французской философии XX века, в рамках данной работы обращается внимание на иной подход к основам осуществления коммуникации. При этом, говоря о сообществе, которое самими мыслителями постструктуралистской традиции обозначается как «неописуемое»³, «непроизводимое»⁴, «грядущее»⁵, исследователь вынужден обращаться к понятиям суверенности и множества как к необходимым основаниям этого другого типа коммуникации. В своих философских произведениях Жиль Делез⁶, Жак Деррида⁷ уже исходят из принципов неполноценности и необозначаемости, которые сопутствуют современным рассмотрениям положения человека в мире. С другой стороны, мы могли бы обратиться к работам Ролана Барта⁸, в которых принадлежность означаемого рассматривается независимо от формы, им выказываемой.

Основной задачей данной работы является рассмотрение дискурсивной формы сообщества как особого типа коммуникации. В качестве **объекта исследования** выступает проблема коммуникации в проблемном поле социальной эпистемологии.

¹Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас ; Пер. с нем. Ю. Медведева. Спб.: Наука, 2001. 417 с.

²Бахтин, М. М. Собрание сочинений. В 7 томах. Т.5. Работы 1940-1960 гг. / М. М. Бахтин. М.: Русские словари, 1997. С. 159.

³Бланшо, М. Неописуемое сообщество / М. Бланшо ; Пер. с франц. Ю. Стефанова. М.: Московский философский фонд, 1998. 80 с.

⁴Нанси, Ж.-Л. Непроизводимое сообщество: Новое издание, пересмотренное и дополненное / Ж. – Л. Нанси ; Пер. с франц. Ж. Горбылевой и Е. Троицкого. М.: Водолей, 2011. 208 с.

⁵Агамбен, Дж. Грядущее сообщество / Дж. Агамбен ; Пер. с ит. Дм. Новикова. М.: Три квадрата, 2008. 144 с.

⁶Делез, Ж. Критика и клиника / Ж. Делез ; Пер. с франц. О. Волчек и С. Фокина. Спб.: Machina, 2011. 240 с.

⁷Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида ; Пер. с франц. Д. Кралечкина. М.: Академический проект, 2000. 495 с.

⁸Барт, Р. Фрагменты любовной речи / Р. Барт ; Пер. с франц. В. Лапицкого. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 320 с.

Цель исследования заключается в определении границ предметного мышления и в поиске такого знания, в котором язык сохраняет способность показывать полноту социальной реальности.

Для достижения данной цели выполняются следующие **задачи**:

- детальное рассмотрение коммуникативного подхода в его отношении к институциональным формам бытийствования;
- рассмотрение понятия «суверенность» и его соотносимости с категориями знания и незнания;
- ознакомление с пониманием понятия множества в рамках французской философской теории XX века;
- проведение анализа этих понятий с целью выявления в них идей и положений, влияющих на современную теорию коммуникации.

Методологической основой работы является феноменологический метод, компаративистский анализ, метод герменевтики, а также онтологически-экзистенциальный подход к коммуникации Мориса Бланшо.

Структура работы включает введение, три главы, заключение и список использованных источников.

Основное содержание работы

В *первой главе* работы дается рассмотрение условий существования в обществе незнания, иначе говоря – необзначенного и не закрепленного рамками институциональных рассматриваний. Путь мысли, целью которого является получение определенного рода знания, характеризуется как всегда от этой цели зависимый и ввиду этого выказывающий собственную неполноценность. Объекту познания как наличествующему вменяется некоторая определенность, гарантом которой выступает неоспоримость существования связанного с ним субъекта. Создаваемое таким образом пространство представлений выступает как соразмерное человеку в его деятельностном подходе. Оно становится опорой, за которой скрывается растерянность; растерянность перед

ответственностью своего мышления как *своего* т.е. не разрабатываемого ввиду чуждой задачи. Эта *чуждость* во многом связана с отсутствием вопрошания по поводу существования объекта познания. Именно в таком положении всегда постфактум выводятся условия обращения к нему. В ориентировании на полезность совершаемых операций сберегается основательность действий за счет их встроенности в порядок человеческой деятельности, т.е. в порядок предоставленный, чуждый. Таким образом, человек обращен лишь к следствиям этого процесса производительности, в которых он и находит основательность собственного существования. В познавательном процессе обретается восприимчивость к будущим возможностям, и вместе с тем чувство основательности действий посредством обращения к опыту прошедших изысканий. Именно задействованность опыта как подлежащего использованию располагает его к выражению в виде *бессознательной субъективности*. Это накопление продуктов мышления становится методом ориентирования в сокрытости, а также способом создания жизненных ценностей.

В противовес этому пути мышления Жорж Батай в своей книге «Проклятая часть»⁹ вводит мотив *суверенного мгновения*. Обращается внимание на принадлежность человека времени настоящему, в котором задается оформленность в вопрошании и вместе с тем – сопричастность миру как целому. Обладание суверенитетом Батай связывает с избыточностью мышления, выражаемой в форме таких аффектов, как слезы или смех, останавливающих собою полезное приложение сил. С одной стороны, суверенность принадлежит человеку по природе, но в таком виде она и остается для него сокрытой как бессознательная субъективность. В то время как то, что Батай показывает на примерах смеха и плача, позволяет увидеть иллюзорную уклончивость процесса познания от полноты избытка, в котором обретаются условия для такого рода нацеленности. Таким образом, суверенность сокрыта, но также является тем, что чрезмерно очевидно и выражается лишь через отказ от направленности познания. И именно по причине того, как одной из

⁹ Батай, Ж. Проклятая часть / Ж. Батай ; Пер. с франц. Е. Гальцова, С. Зенкина и др. М.: Ладомир, 2006.

характеристик суверенности является способность манифестировать собою некоторую общность в избегании возможной персонализации, как необходимое оговаривается понятие множества.

Функция множества, как пишет Паоло Вирно, состоит в том, как в нем иным образом определяется Единое¹⁰. Если для традиционных сообществ было возможно разделение на неопределенную тревогу и конкретный страх, то сегодня мы должны указать на определенного рода неразличимость между тем, что артикулируется через инстанцию общественных установок и тем личным пространством человека, в котором он всегда одинок. Здесь обнаруживается невозможность разделения человеческих процедур познания собственного Я и познания мира. Жизнь человека, обреченного на существование вне инстанции, гарантирующей ему защиту от тревоги, определяется как голая возможность. Невозможность облечь тревогу в форму конкретного страха ставит его перед лицом безликого. Более того, перед лицом власти он сам становится безлик, ожидая от нее действий в пользу конкретизации столкновения с тревогой. Но власть в то же время ожидает общественных проявлений, в которых могла бы выявиться какая-либо форма. Таким образом, безликость этой жизни и жизнь суверена связана одной проблематикой. Общим в них является ситуация того, как человек сталкивается с опасностью, не обличенной в привычные для него нормы. Здесь выражается жизненная потенция, состоятельность которой никоим образом не гарантирована. Множество предстает в виде присутствия и отсутствия, перетекающих одно в другое, по выражению Бланшо¹¹. И именно таковы социальные условия, в которых возможен разговор о сообществе как особом типе коммуникации.

Во *второй главе* рассматривается мотив присутствия-отсутствия, утвержденный Жан-Люком Нанси и Морисом Бланшо в работах, посвященных теме сообщества; ставится вопрос о таких характеристиках сообщества, как «неописуемость», «негативность», «непроизводимость» и

¹⁰ Вирно П. Грамматика множества / П. Вирно ; Пер. с ит. А. Петрова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

¹¹ Бланшо, М. Неописуемое сообщество / М. Бланшо ; Пер. с франц. Ю. Стефанова. М.: Московский философский фонд, 1998.

«внутриположенность». Также указывается на избыток как характеристику бессобытийной связи, в рамках рассмотрения которой и ведется разговор и сообществе.

В рассмотрении аристотелевской классификации видов дружбы уделяется внимание особому феномену политической дружбы. Особой чертой *politike philia* является тот факт, что в отличие от дружбы ради удовольствия и дружбы ради пользы в рамках таких взаимоотношений возможна дружба со многими. Такого рода связь формируется не ввиду однородности целей ее участников, но ввиду единомыслия, которое побуждает иметь одно и то же основание при совершении действий. Аристотель приводит пример затрагивающего всех граждан представления о лучшем правителе, которое и являет собой возможность дружбы политической. Вместе с тем единомыслие характеризует человека как в его индивидуальных проявлениях, так и в его участии в общественных делах. Это побуждение к жизни сообща проявляется в постоянстве желаний по отношению к непреходящему формообразующему началу отношений тех, кого Аристотель называет «добродетельными друзьями».

В рамках заданного подхода рассматривается понятия сообщества и дружбы в работах Мориса Бланшо. Задаваемая в его работах особого рода непосредственность в выражении формы служит вдохновением для участников сообщества, а также является основанием существования, артикулируемого в терминах отсутствия/присутствия. В условиях неявленности закона решается вопрос о возможности волевых усилий, наличие которых выказывает собою разделенность бытия человека. Таким образом, именно подводящий к вопросам, связанным с формообразованием, разговор о *politike philia* в контексте философии французского постструктурализма позволяет создать иной по отношению к традиционному ракурсу рассмотрения темы сообщества.

В третьей главе под названием «Сообщество и сообщество институциональное» подробно рассматривается вопрос о возможном выражении формы сообщества как институции. В качестве примера берется

ситуация фактической встречи Мориса Бланшо и Жоржа Батая. Как на причину этого события указывается на избыточность внутреннего опыта. Избирательность, сопряженная с формообразующим началом, повергает на поиск собеседника; отношения, в которые вступают при этом участники сообщества, выдерживаются в этой со-размерности. Чрезмерность внутреннего опыта перетекает в вынужденность, связанную с его выражением. Так мнимость опоры позволяет обнаружить границы освоенного пути. Такого рода встречи не только связаны с необходимостью траты, но и требуют некоторого «сверх» - и этот мотив находится в голосе собеседника. Подробно рассматривается двойственность персональной встречи – толкает на нее избыток, в то время как для самого человека это стремление предстает как нужда. Вместе с тем становится очевидной и противоречивость обратного движения – избыточность, порождаемая в диалоге, толкает на поспешное возвращение к безликости таинства, составляющего основание сообщества; но сам этот акт уже был предопределен характером вынужденности встречи.

Таким образом очерчиваются условия существования институционального сообщества. Его характеризует закреплённость условий диалога вне описываемой ранее противоречивости. Положение дел, однажды созданное в чрезмерности события, становится основой для диалога, в котором роли закреплёны и условия поддаются описанию. Так рассуждение подходит к тому, что обозначается как «логика порядка». Если для участников сообщества наличие формы, его породившей, слишком очевидно, то в границах институции обратный взгляд обнаруживается ее непрявленность. Выражается этот взгляд в бесконечных попытках сохранить наличествующее положение дел, а также оговаривании раскованности сложившейся ситуации. Также здесь становится видны попытки воплотить необходимую для сообщества чуждость неопишемого в виде создаваемых идеалов, восполняющих собою стремление к действиям бесполезным (в которых могла бы возникнуть суверенность).

Вместе с тем подчеркивается факт встроенности институционального сообщества в процесс непрекращающегося разворачивания сообщества как

такового. Являясь одной из его форм выражения, институция сохраняет в себе потенцию для дальнейшего существования, но всегда продолжающая зависеть от избыточности встреч, происходящих в ее пределах.

В *заключении* вновь подчеркивается инаковость способов коммуникации, принадлежащих сообществу. Указывается на возможные пути дальнейшего исследования, связанные с различными формами, в которых сообщество выказывает себя в современном мире.